

Шпет и Гумбольдт: феноменологические вариации на тему языкового универсализма и релятивности

Гоготишивили Л.А.

Аннотация: Шпетовская интерпретация идей В. Гумбольдта мало содержит из того, что обычно понимается под неогумбольдтианством, она производилась в рамках другой — феноменологической — парадигмы и потому ориентирована на универсализм. При всей оригинальности шпетовская концепция типична для русской культуры начала XX века, в которой результат рецепции идей Гумбольдта оказался противоположным тому, который впоследствии проявился в неогумбольдтианстве по линии Сепира-Уорфа. В России идеи Гумбольдта были проинтерпретированы не в направлении специфичности каждого языка, а в направлении к универсальным и адекватным стратегиям речепорождения. Шпетовская концепция «внутренней формы» как алгоритма адекватного речепорождения соприкасается с соответствующими языками стратегиями Вяч. Иванова, Флоренского, Лосева, Бахтина и др. Разумеется, предложенные этими авторами стратегии речепорождения различны, тем не менее имеется и ряд типологически общих установок, основная среди которых — идея преодоления релятивности конкретных языков силами самой релятивности.

Ключевые слова: Неогумбольдтианство, Шпет, феноменология, стратегии речепорождения в России начала XX века, универсализм, самопогашение релятивизма, постгумбольдтианство.

Шпет и феноменология. Шпетовская интерпретация идей В. Гумбольдта мало содержит из того, что обычно понимается под *неогумбольдтианством*, она производилась в рамках другой — феноменологической — парадигмы и потому ориентирована на универсализм. Вместе с тем феноменология была для Шпета не только базовой, но и реформируемой установкой: книга «Явление и смысл» 1914 года прямо нацелена на тотальное *оязыковление* гуссерлевской феноменологии.

Впоследствии феноменология практически исчезла с поверхности шпетовских текстов — почему? Шпет в ней разочаровался или на то были иные причины? Я склоняюсь ко второму варианту и отнюдь не в силу внешних обстоятельств. Да, прямые обсуждения феноменологии становились по политическим причинам все менее возможными, но ситуация еще не была жесткой — Лосев писал о Гуссерле вплоть до конца 20-х гг. Да, облик шпетовских текстов мог подстраиваться под предполагаемых читателей, но не до такой же степени! Причина загадочного опущения Шпетом феноменологии в другом, и она гораздо более серьезного свойства.

Шпет столкнулся при осуществлении замысла по оязыковлению феноменологии с настолько трудными проблемами — и концептуальными, и терминологическими, и просто техническими — что не сумел (не успел) настроить необходимую здесь двойную

концептуальную оптику и выработать соответствующий философский стиль. Это объяснение тем более вероятно, что многие последующие версии феноменологии языка тоже при всех усилиях оказались мало похожими по стилю рассуждений на феноменологию. Феноменологический ракурс – *изнутри сознания на само сознание*, а значит: *изнутри сознания вообще на языковое сознание* – уходит в таких теориях в подтекст: он продолжает иметься в виду как принцип, но прямо не явлен. Главное препятствие тому сам язык – сильный самостоятельный игрок на любом концептуальном поле. Любой взгляд *на язык* изнутри сознания пропускает в теорию последнего фрагменты объективированной языковой данности и тем самым в той или иной степени инвертируется во взгляд *на сознание* через объективированный язык, что и подрывает феноменологический дискурс. Прямых путей — как показало становление феноменологии языка — здесь нет, но вместе с тем идея сформировать общую феноменологию языка никогда, в том числе и сегодня, с повестки дня не снималась. Это — одна из наиболее сложных развилок в истории идей XX века.

Шпет одним из первых вошел в этот концептуальный лабиринт, т.е. встал перед необходимостью ввести язык в феноменологию так, чтобы не нарушить при этом формирующие ее исходные презумпции, включая универсализм, и — одновременно — так, чтобы не упустить лингвистическую специфику. Интеллектуальная корректность требовала предварительного знакомства с тем, что было наработано в языковой области *не-феноменологическими* науками, и Шпет обратился к истории соответствующих направлений. В работе «Герменевтика и ее проблемы», опубликованной недавно, но написанной в 1918 г., когда о запрете на феноменологию речи никак не шло, ее тем не менее нет ни в каком виде. Отсюда — распространенная точка зрения, что к концу 10-х годов Шпет отказался от феноменологии в пользу герменевтики. Если, однако, вспомнить характер этого текста — симбиоз изложения и критического осмысления — станет очевидным, что это не отказ от феноменологии, а, как пишет сам Шпет во введении, «остатки от материалов, приготавлившихся для других целей» и что «экскурс в область герменевтики только вспомогательное средство»¹. В том же 1918 г. Шпет пишет Гуссерлю: «В течение этих долгих четырех лет я не пропустил ни одного дня, когда бы не размышлял о феноменологии»². Так что точнее будет говорить, что Шпет работал в то время как историк идей — с прицелом на обнаружение в «лабиринте языка и сознания» лишь с виду заманчивых тупиков и на

¹ Шпет, 1918а, с.231

² Шпет, 1918б, письмо от 10.VI.1918.

деле перспективных проходов к универсальной феноменологии языка. Наряду с герменевтикой Шпет обращался с аналогичными целями к психологии, лингвистике, платоново-аристотелевской традиции, поэтике, символизму, искусствознанию, театроведению, и, наконец, к гумбольдтовой теории языка. Не говорится же – на том основании, что в во «Внутренней форме слова» Шпет пишет о Гумбольдте и что слово *герменевтика* использовано в ней всего два раза, — что Шпет опять полностью сменил взгляды и опять «переметнулся» – теперь уже от герменевтики к *лингвистике*. Или — к *психологии*, ведь в один год с книгой о внутренней форме вышла книга «Введение в этническую психологию» (заметим, что в этих двух книгах обсуждаются, соответственно, универсализм и этнический детерминизм в их соотношении с языком).

Если проследить от текста к тексту сквозь их меняющуюся тематическую поверхность за смысловым вектором движения шпетовской мысли, окажется, что феноменологический подход с неизменным прицелом на язык оставался фундаментом при любых ее терминологических переодеваниях. Так, в «Эстетических фрагментах» феноменология названа один раз, Гуссерля нет вовсе, в центре стоит эстетика, звучит символизм, но имплицитная интенция текста несомненно феноменологическая. «*Каждый член структуры слова*», — пишет здесь Шпет, — есть «*сложное переплетение актов сознания*»³, противопоставляемых актам восприятия и представления. Ни в каком другом — *не*-феноменологическом — направлении подобное определение лингвистического объекта невозможно. В «Языке и смысле» — рабочих материалах, написанных после «Эстетических фрагментов», но опубликованных только сейчас — феноменология прорывается на поверхность, но в вышедшей в сами 20-е гг. «Внутренней форме слова» — снова ее полное опущение (термин феноменология практически не употребляется, имени Гуссерля нет). Однако цель этой книги не только несомненно феноменологическая, но, как я постараюсь показать, подытоживающая феноменологические исследования Шпета на тот момент.

Шпет, Гумбольдт и внутренняя форма. С Гумбольдтом и внутренней формой (ВФ) ситуация прямо обратная: они — главные темы *последней* книги, но появились у Шпета далеко не сразу и не одновременно. Собственно говоря (я это подчеркиваю со всей определенностью), концепция ВФ Шпета сложилась в своих общих очертаниях *до и вне интереса к Гумбольдту*. В «Явлении и смысле» основа шпетовской позиции уже намечена, но ни Гумбольдта, ни понятия ВФ нет, хотя и том, и о другом Шпет не мог

³ Шпет, 1922-1923, с.213

не знать — в их, как минимум, потебнианской трактовке. Понятие ВФ начинает мелькать в шпетовских текстах в конце 10-х гг., напр., в «Герменевтике и ее проблемах» — но без имени Гумбольдта, а со ссылкой на английского философствовавшего филолога 18 века Гарриса (J.Harris)⁴. ВФ упоминается здесь в ее *платоническом* понимании — как связанная с идеей-эйдосом (т.е. как тендирующая к универсалиям). Только в начале 20-х гг., вводя и обсуждая понятие ВФ уже в своих целях, Шпет скажет в «Эстетических фрагментах», что пользуется при этом формальной «прицепкой» к Гумбольдту⁵. В концептуальную связь эта прицепка начнет перерастать в «Языке и смысле», а окончательно разовьется во «Внутренней форме слова». Шпет равно возведёт здесь к Гумбольдту и языковой релятивизм, и языковой универсализм, но истолкует их взаимодействие не по-гумбольдтиански. Гумбольдт окажется одновременно и союзником уже сложившейся в своем стержне шпетовской теории, и объектом существенного оспаривания, а если брать шире, то — преломляющей призмой для критических стрел, направленных на кантианство в целях преодоления последнего с учетом его сильных сторон.

Причины выбора именно ВФ в качестве центрального концепта тоже становятся понятными лишь при учете феноменологической установки Шпета. ВФ, во-первых, оказалась «кстати» на его авторском пути, начатом в «Явлении и смысле», где в рамках предпринятой реформы феноменологии Шпет вводит универсально толкуемую идею вспыхивания в языковом сознании при восприятии любой языковой формы *веера внутренних смыслов* — уразумеваемых, но не имеющих внешнего выражения (вроде неявленного «рубить» в явленной «секире»). От внутреннего смысла к внутренней форме дорога прямая: притягательность ВФ для Шпета в том и состоит, что она *внутренняя*, т.е. поддающаяся «перемещению» от объективированной специфической поверхности конкретных языков вглубь универсального *сознания*. В некотором смысле можно говорить, что ВФ использовалась Шпетом в качестве феноменологического троянского коня на поле враждебных к философии сознания лингвистических направлений.

Вторая немаловажная причина обращения к ВФ: еще до вступления Шпета на феноменологическое поприще она уже была косвенно связана с дискуссиями вокруг феноменологии, на которые Шпет, несомненно, реагировал. Не случайно одним из

⁴ Шпет, 1918а, с.260

⁵ Шпет, 1922-1923, с.224; см. также: «...заимствую у Гумбольдта только термин, а смысл влагаю свой», там же, с.232

главных авторов, писавших о ВФ, стал для него А.Марти, который вступил в персональный спор с Гуссерлем, не оставленный последним без внимания⁶. Критически упоминает Гуссерль и Штейнталя⁷ – и тот тоже станет антигероем шпетовских текстов. Наконец, называет Гуссерль и имя Гумбольдта — как «великого мыслителя», замечая мимоходом, что его собственные взгляды, возможно, близки гумбольдовым идеям⁸. Этот намек на концептуальную взаимоотражаемость феноменологии и гумбольдианства мог дополнительно стимулировать шпетовский интерес к Гумбольдту. Не исключено, что косвенно — «от противного» — на прицельный интерес Шпета к ВФ могло повлиять и широко обсуждавшееся в то время потебнианство.

К ВФ Шпет тоже отнесся исторически основательно — ведь не Гумбольдт автор термина. Известно, что Плотин использовал сочетание «внутренний эйдос», а понятие эйдос уже содержало момент формы (Аквинат переводил εἶδος на латынь как *форму*). Неоплатоник XV в. Марсилио Фичино прямо перевел плотиновский внутренний эйдос как внутреннюю форму. Об этой платонически-аристотелевской традиции упоминается и во «Внутренней форме слова», но и до пристального интереса к Гумбольдту Шпет делает в 1923 г. в ГАХН доклад “О различных значениях термина “форма”, в котором рассматривает его семантический генезис от греческих εἶδος, ἰδεία, μορφή и σχῆμα⁹. Идеи Гумбольдта стали, таким образом, как минимум, третичной прививкой к теории Шпета (после феноменологии и платоново-аристотелевской традиции), однако — произведенной в знаковый момент: когда Шпету понадобилось укрепить один из главных бастионов своей теории — идею одновременного разведения и совмещения понятий *структура* и *алгоритм*. Вплоть до «Эстетических фрагментов» Шпет больше занимался структурой *внешних* форм языка, оязыковляя тем самым *ноэматический* аспект феноменологии. Эти идеи получили широкий резонанс, вызвав стойкую оценку Шпета как предшественника структурализма, но самого Шпета они не могли полностью удовлетворить, поскольку для феноменолога ноэматика не ходит одна без *ноэтики*. Последнюю также нужно было оязыковлять. И тут вскрылась принципиальная развилка: ноэтика в отличие от ноэматики не имеет, по Шпету, прямых коррелятов во внешних формах языка. Оязыковление ноэтики нужно было

⁶ Гуссерль, 2001, сс.315-317.

⁷ Там же, с. 319.

⁸ Там же.

⁹ См. Гидини, 2008.

вести на других путях. Попытку полнокровного оязыковления ноэтики Шпет предварительно предпринимает в «Языке и смысле», развернуто же — в последней книге, делая это с опорой на инверсивную переинтерпретацию гумбольдтовой *внутренней формы языка* и сплетая в концептуальный узел три фундаментальные оппозиции: структура/алгоритм, внешние/внутренние формы языка и его специфичность/универсализм.

Феноменология и лингвистика. Если для Шпета идея взаимосвязанности структурного и процессуального подходов не вызывала особых трудностей (она понималась в том же смысле, в каком коррелятивны гуссерлевы ноэматика и ноэтика), то для лингвистики, поскольку вместе с ноэтикой в дело вступали акты сознания, здесь располагался запретный Рубикон, который Шпет и перешел. Не случайно алгоритмический аспект, обоснованный в последней книге в качестве универсальной основы языка, пользовался гораздо меньшим успехом, чем структурная идея «Эстетических фрагментов», если вообще им пользовался¹⁰.

Шпет, несомненно, предвидел такую реакцию. Дело в том, что подчеркнутое акцентирование актов сознания внешне выглядело уже не как оязыковление феноменологии, а как *феноменологизация языкоznания*. И если цель оязыковить феноменологию оставляла большинство филологов и лингвистов равнодушными или приветствующими любые формы экспансии языка, то намерение феноменологизировать лингвистику вызвало активное сопротивление. Шпет столкнулся здесь с общеметодологическим барьером — с распространенными сомнениями в самой возможности совмещения феноменологического и лингвистического подходов. Большинство исследователей вообще отрицали значимость для лингвистики феноменологии и любых других теорий сознания, доминировали сомнения и среди ученых, ценивших феноменологический подход. Так, Б. М. Энгельгардт, отдававший феноменологии должное, пришел тем не менее к выводу, что совмещение лингвистического и феноменологического подходов невозможно в принципе. В 1924 году Энгельгардт настаивал на необходимости отчетливо противопоставлять (причем в соответствии, как он говорил, с гумбольдтовой антиномией эргон/энергия) *проекционный метод*, предмет которого — речь как некая

¹⁰ Уже сам факт акцентирования Шпетом ВФ в «позднем» 1927 году мог восприниматься как вызывающий жест направлениями, основанными на объективирующем подходе к языку и уже проявившими негативное отношение к ВФ (в формализме ВФ подвергалась, как принято было говорить в ГАХН, забвению, она исключалась из рассмотрения как незаконный объект именно вследствие ее квалификации как внутренней, а значит — опирающейся на сознание или психику, т.е. на нечто эмпирически неуловимое, объективированию не поддающееся и потому недолжное).

объективная, внеположная сознанию данность, и *феноменологический метод*¹¹, предмет которого – смыслостановление как чистый процесс в сознании. Смешение этих точек зрения, по Энгельгардту, опасно, поскольку рискует обратиться потерей чисто лингвистических особенностей. По схожим причинам Якобсон, также признававший, как известно, феноменологию, общавшийся с Гуссерлем и сотрудничавший со Шпетом, тем не менее считал, что в основе шпетовских взглядов лежало неправомерное «смешение стилей мышления феноменологического и структурного»¹². Шпет знал методологические препоны и теоретически, и практически, но демонстративно шел вопреки, рассчитывая на деле продемонстрировать возможность корректного совмещения этих подходов.

Позволю себе краткую дискуссионную реплику в сторону. Независимо от оценки результатов, достигнутых Шпетом на этом совмещающем пути, *по направлению* поиска он оказался прозорливее своих оппонентов. Если на концептуальном уровне корректная конвергенция между феноменологическими и лингвистическими подходами, несмотря на взаимные и во многом успешные усилия аналитиков и феноменологов, отсутствует до сих пор, продолжая составлять проблему, то на практическом уровне тематика и операциональный аппарат лингвистики и философии сознания находятся сейчас в состоянии глубокой взаимной диффузии, причем во многом они именно недифференцированно *смешались*, чего и опасался Энгельгардт. Многие лингвисты поэтому и сегодня придерживаются мнения о ненужности совмещения лингвистики с феноменологией.

Безусловно, вопрос не имеет простого решения, но он и не может быть снят. Я думаю, что такие активно обсуждаемые в современной лингвистике проблемы, как пресуппозиция и ассерция, фокус внимания, речевые акты, типы дискурса, этапы вербализации, расщепление интенции и Я-говорящего, лексическая и синтаксическая невыразимость некоторых явлений, да и такие «простые» понятия как коммуникативное намерение и цель, как и вообще все, что так или иначе связанно с подразумеваемыми смыслами речи, только объективирующими методами лингвистики никак не исчерпываемы. Лингвистика проявляет чудеса изобретательности, чтобы корректно ввести явления такого рода, и, действительно, достигает результатов, но последние не поддаются иной универсализации, кроме логической абстракции. Например, сугубо лингвистическое толкование фокуса внимания – это, по сути,

¹¹ Энгельгардт, 1924, с. vii.

¹² Цит. по: Haardt, 1993, p. 18.

обезглавливающее сокращение: ведь имеется в виду фокус внимания именно *сознания*, а значит, универсальное ядро фокуса внимания при изучении его проявлений в конкретных языках ускользает. Феноменология могла бы предоставить в помощь концепту фокусу внимания развернутую универсальную теорию аттенциональных сдвигов в их сопряжении с интенцией, протенцией и ретенцией – это дало бы более объемную картину, хотя и поставило бы лингвистику перед дополнительными трудностями: перед необходимостью интерпретировать многообразные модификации и смещения, происходящие на фазе перехода между универсальным фокусом внимания сознания и его частными языковыми проявлениями и разновидностями. Логическая типология последних также вряд ли способна дать на выходе универсальный смысл фокуса внимания *per se*. Максимум, на что здесь можно рассчитывать, это констатирующее признание фокуса внимания в качестве языковой универсалии, но само понятие рискует остаться при этом полым¹³. Эксплицитно или латентно лингвистический анализ явлений такого рода не может не опираться на какую-либо теорию сознания. Шпет считал, что именно феноменологическая теория сознания, а не, скажем, кантианская, более приспособлена к тому, чтобы стать универсалистским допущением лингвистики.

Инверсивная реинтерпретация Гумбольдта. Известно, что шпетовская версия ВФ заявила себя как антипотебнианскую, отвергая последнюю за, как формулировал Шпет, психологизацию и тем самым компрометацию самой идеи ВФ. Если говорить об отношении Шпета к Потебне с точки зрения ходячего общего места, которое называлось «ВФ по Потебне» и которое связывало ВФ со словом как объективированной лексемой в ее этимологическом строении (*стол – стлать*), то, поскольку ВФ привязана здесь к *внешней* морфологической форме, для Шпета это значит, что она локализуется в зоне *эргон* — объективируемых данностей, которые в каждом языке специфичны. Сам Гумбольдт, напомню, тоже толковал ВФ как характеризующую конкретный язык, но — как связанную с его грамматической системой в целом. Если отвлечься от усложняющих аспектов гумбольдтовых идей, то в шпетовском контексте это означает, что Гумбольдт тоже локализовал специфические

¹³ Преобладающее большинство зафиксированных в лингвистике универсалий носит «отрицательный» характер (по типу: ни в одном языке нет такого-то *нечто*, которое выискивается чисто логическим путем), отсюда их возможное название — «универсальные ограничения на языковую структуру» (Татевосов, 2011) Условно «позитивные» универсалии носят, по устному определению того же автора, тривиальный характер, вроде: в предложениях каждого языка есть подлежащее и другие синтаксические члены. Возможное признание фокуса внимания языковой универсалией, если не обогатить его феноменологическим содержанием, тоже может обратиться тривиальностью.

ВФ конкретных языков в зоне эргон. Схоже понял Гумбольдта и П. Флоренский: ВФ также помещалась им в зону эргон, но, вслед за Потебней, в сферу лексемы, а не грамматической системы; в отличие же и от Гумбольдта, и от Потебни, и от Шпета, но сходно с Гете, Флоренский толковал ВФ как абсолютно индивидуальную и субъективно-авторскую¹⁴ (естественный предел релятивного толкования ВФ).

Что предлагает на этом фоне Шпет? Попытаюсь дать представление о его позиции в 10-ти пунктах.

1) Шпет – фиксирую исходный сдвиг – связал ВФ не с эргон, а с *энергией*, т.е. с гумбольдтовой «языкотворческой силой сознания». Если Гумбольдт толковал ВФ как специфическую, а понятие «языкотворческой силы сознания» как универсалию, то Шпет, утвердив связь ВФ с последней, придал *универсальность самой ВФ*, т.е. осуществил инверсию гумбольдтовых идей. Градация выразительна: у Флоренского ВФ *специфична* для каждого конкретного говорящего, в потебнианстве – для конкретного слова, у Гумбольдта – для каждого конкретного языка, у Шпета ВФ *универсальна*.

2) Передислокация ВФ в зону эргон позволила Шпету обосновать искомое: перевести ВФ вглубь сознания и придать ей *процессуально-актовый* характер, соответствующий феноменологической ноэтике. ВФ была передислоцирована, зафиксирована, не в речь в смысле некой материальной данности (в звуке или тексте), из которой она могла бы быть так или иначе вычленима в виде «объектов» или их структур, но в *процесс порождения речи*, механизма которого характеризуется не «данностями» (ноэмами), хотя они в нем тоже участвуют (см. пункт 6), а ноэсами — языковыми *актами* сознания и особенностями их сочленения.

3) Интерпретация ВФ как сочленения языковых актов сознания поставила Шпета перед необходимостью выявить *номенклатуру* соответствующих типов актов (Шпет говорил об актах уразумевания, подразумевания, экспонирования, отбора, эксплицирования, компрегенции, конципирования, предикации, предикативного раскрытия, интерпретации и др.), а затем утвердить (по аналогии с ноэтической типикой Гуссерля) наличие при порождении речи *закономерностей* в последовательности языковых актов. Шпет назвал закономерную последовательность актов *алгоритмом* и отождествил его с ВФ.

¹⁴ Флоренский, 1999, сс.213-214

4) Шпет утверждает наличие *разных* закономерно-последовательных алгоритмов — логического, поэтического, экспрессивного. В качестве ведущего универсального «алгоритма алгоритмов» (по аналогии с платонической «формой форм») Шпет выдвигает *логическую ВФ*. Поэтическая ВФ также мыслится универсальной, но она, по Шпету, надстраивается над фундирующим ее логическим алгоритмом и в этом смысле характеризуется как «*квазилогическая*». Экспрессивные внутренние формы, тоже обладающие, по Шпету, неким алгоритмом, надстраиваются уже над поэтической формой и в свою очередь определяются как «*квазипоэтические*». В отличие от логического и поэтического экспрессивные алгоритмы лингвистически не универсальны, а субъективно акцидентальны (все, субъективирующее язык и речь, Шпет, напомню, из «языка как такового» изымал, но *нелингвистические* типологии субъективных аспектов им признавались).

5) Алгоритмические закономерности сочленения актов не соответствуют, по Шпету, тому, что принято понимать под синтаксическими законами языка в смысле законов сочетания внешних языковых форм или в смысле идеальных схем предложения. Это следует из обосновывавшейся Шпетом идеи, которую можно назвать принципом *абсолютной лингвистической немаркированности ВФ*. Согласно этому принципу, и внешне данные, и абстрагированные идеальные схемы синтаксических форм, не говоря уже о лексических, принципиально отличны от ВФ как алгоритма актов тем, что хотя ВФ выражается в языке, и *только* в языке, она не имеет при этом воспроизводимых лингвистических маркеров, получая всякий раз новое языковое облачение. Алгоритм универсальной логической ВФ Шпета *не объективируем в эмпирически данные языковые факты*. А значит, все, ассоциируемое с объективированными данностями языка и связанное с грамматической и идеоэтнической спецификацией языков, от шпетовской ВФ *отсечено*. Если Гумбольдт проявлял в теории грамматикализуемых им ВФ разных языков некоторый аристократизм, то Шпет универсально «демократичен»: его логическая ВФ такова, что она может выполнять свои функции на любом живом языке, какой бы грамматической системой внешних форм он ни обладал и какие бы идеоэтнические особенности в нем ни выявлялись (идея *универсальной для всех языков грамматики* Шпетом оценивалась, соответственно, как «*фантастическая*»¹⁵). Для тогдашних настроенных на объективированность языка направлений лингвистики (как и для многих влиятельных

¹⁵ Шпет, 1927б, с.69.

современных направлений) утверждение необъективируемости алгоритма выводит его за пределы лингвистики.

6) Но необъективируемость алгоритма не означала, что Шпет отстранял свою теорию от «данностей», в том числе лингвистических, а тем самым — и от структур этих «данностей». Структура и алгоритм применяются в шпетовских текстах как различные полюса процесса говорения — ноэматический и ноэтический, которые, по постулатам феноменологии, коррелятивны. Но если в «чистой» гуссерлевой феноменологии ноэма и ноэса находятся в (условно) прямой корреляции, то в языковом сознании эта корреляция, по Шпету, получает усложненную многомерность, потому что в процесс речепорождения вовлечены *разные* типы данности. Это расщепляет интенцию языковых актов: они имеют не один, а как минимум два коррелирующих с ними ряда ноэм: а) разного рода *смысловые* данности (данности сознания и мышления, в том числе *предметные*) и 2) *внешние языковые* данности. Речепорождение — это *процесс сопряжения посредством языковых актов смысловых данностей сознания с данностями языка* (с его собственно лингвистическими формами и структурами), которые отличны от первых и по составу, и по законам связывания. Поскольку изоморфного соответствия между этими типами данности нет, их сопряжение в процессе речепорождения достигается за счет сложной комбинаторики языковых и неязыковых актов сознания и всегда является, по Шпету, скользяще-одномоментным и не носящим характера прямой референции.

7) Шпет, таким образом, строил двухэтажную теорию, в фундаменте которой — концептуальное *разведение* процессуальных универсалий «языкового сознания как такового» и специфичных внешних форм конкретных языков, в надстройке — проблема *совместного действия в реальных высказываниях процессуально-универсального и объектно-специфического* моментов (эта проблема, надо признать, редко ставится в столь отчетливой форме и остается одной из наименее разработанных).

8) Выдвижение на доминирующую позицию алгоритма логической ВФ связано с тем, что она мыслится Шпетом как сопряженная с самим «*предметом*» (взаимотранспарентная с ним) и *имманентно присущая всем типам говорения*, если последние реально сообщительны (не скатываются к пределу бессмыслицы). Всякая реально сообщающая речь понимается поэтому Шпетом как *непрямое, опосредованное и компонентно-прирастающее проявление* логической ВФ в конкретных внешних формах языка. Любая примененная внешняя языковая форма есть по отношению к

логической ВФ в широком смысле троп. Но и здесь есть свои закономерности: каждый тип речи имеет свою *стратегию* опосредованного внешнего проявления логической ВФ. Не исключение, по Шпету, и научная речь.

9) Круг замкнулся: идея опосредованности (тропированности) любого выражения на любом языке вступила в симбиоз с идеей специфичности (в пределе — релятивности) внешних форм каждого конкретного языка. Здесь, по Шпету, не две, а одна в своем основании проблема, и ее корень не в специфике языков, а в универсальности лингвистически не маркированной логической ВФ.

10) Последним назову венчающий финал всей темы: Шпет настаивал на принципиальной возможности выхода высказывания на *адекватное выражение предмета*, прежде всего — в научной речи. Поскольку же научная речь не тождественна логическому алгоритму (это невозможно вследствие принципа лингвистической немаркированности последнего), она, следовательно, тоже имеет свою особую стратегию языкового проявления алгоритма логической ВФ.

Реконструкция и типологическая ниша. Нельзя не признать, что сам универсальный алгоритм логической ВФ и конкретная стратегия его связи с внешними формами языка в научной речи остались у Шпета не вполне ясными. Предложу их гипотетическую и радикализованную реконструкцию.

Тезис о речепорождении как принципиально опосредованном проявлении во внешних формах языка логической ВФ не противоречит у Шпета идеи адеквации потому, что «предмет» понимается (согласно разделяемому Шпетом феноменологическому постулату) как всегда остающийся в зоне подразумевания в качестве прямо лингвистически не явленного X-са для все новых и новых предикаций. Адеквация такому предмету принципиально не может быть по своим внешним языковым формам прямой к нему референцией, подчиняющейся рациональным лекалам. Получается, что языковое выражение предмета оказывается у Шпета взвинченным тройным тропом: 1) такой предмет может получить любое возможное на каждом данном языке лексическое обличение, каждое из которых в свою очередь 2) может быть размещено в любую возможную в данном языке синтаксическую позицию (включая как позицию субъекта, так и позиции предиката, дополнения, обстоятельства разного рода и т.д.). 3) Еще один этаж тропированности внешнего языкового проявления универсального алгоритма связан у Шпета, как понятно, со специфичностью внешних форм каждого языка. Если, следовательно, Шпет утверждает возможность достижения научной речью адеквации своему предмету и если в ее основе

лежит универсальный для всех языков алгоритм логической ВФ, эта речь должна была мыслиться Шпетом как основанная на такой *стратегии* обращения с внешними формами языка, которая была бы способна перебороть как их лексически-сintаксическую тропированность, так и их специфичность. Кроме того эта стратегия должна подходить для использования в любом по грамматической системе языке, ведь в противном случае лишится смысла вся шпетовская постройка вокруг универсальности логической ВФ «языка как такового».

Как же мог мыслиться Шпетом механизм «погашения» тропированности и релятивности внешних языковых форм? Я предполагаю, что шпетовская стратегия адекватного высказывания включала в себя замысел переиграть специфические и тропированные формы речи *силами самих этих форм*. Не исключено, что эта цель могла представляться достижимой через тотальное проведение подразумеваемого предмета X, предназначенному выражению, по всему тому циклу семантических облачений и синтаксических позиций, который предоставляется специфическими внешними формами каждого данного языка. В таком круговом обходе и могла состоять особая шпетовская стратегия научной речи, нацеленной на адекватное выражение предмета. Будучи проведен по всем возможным в данном языке семантическим облачениям и синтаксическим позициям, предмет вступит тем самым во все «вшищые» в данное языковое сознание структуры, со- и противопоставления, получит границы, максимально доступный смысловой объем и т.д. В презумпции этой идеи лежит допущение, что специфический набор семантических и синтаксических облачений и позиций каждого реального языка, обеспечивающего коммуникацию, индуцирует языковое сознание, обладающее доступом к универсальному алгоритму логической ВФ, а тем самым и к подразумеваемому «предмету», поскольку он, по Шпету, находится с алгоритмом логической ВФ в отношениях взаимной транспарентности (во всяком случае именно так — круговым обходом и многоракурсной взаимотранспарентностью — строил свой текст о ВФ сам Шпет). Механизм «погашения» специфичности и тропированности внешних форм языка, т.е. их релятивности, *силами самой релятивности* понимался Шпетом скорее всего подобным тому, как, по замыслу М.Бахтина, круговое взаимоосвещение разных языков в полифоническом романе гасит их субъективность, выводя на адекватное восприятие ситуации в целом.

Ассоциация с Бахтиным не случайна: при всей оригинальности шпетовская концепция типологична для русской культуры начала XX века: она соприкасается с

соответствующими стратегиями адекватного речепорождения не только Бахтина, но П.Флоренского, Вяч. Иванова, А.Лосева и др. Сами стратегии, конечно, различны, есть различия и в фундаментальных постулатах, но имеется и ряд типологически общих и аналогичных шпетовским установок: 1) акцент на операциональном (энергийном) подходе к языку, 2) признание специфичности, а значит, релятивности, каждого конкретного языка и подъязыка (жанров, направлений, субъективных языков и т.д.); 3) антиномичное на этом фоне утверждение возможности универсальной стратегии речепорождения, способной привести к адекватному высказыванию на любом языке; 4) идея немаркированности этой универсальной стратегии регулярными лингвистическими индексами; 5) толкование стратегий как опосредованно непрямых и не рационально-логических и, наконец, 6) идея преодоления релятивности конкретных языков силами самой релятивности. Такова, как уже говорилось, бахтинская полифония, таковы же «круглое изложение» Флоренского, стратегия кругового и кустового антиномизма Вяч. Иванова, стратегия многоступенчатой и разновекторной символизации Лосева и т.д.

Речь идет не об экспертизе названных стратегий, оценивать их состоятельность – это совсем другая тема, речь о типологичности замыслов. Не исчерпывая, разумеется, всего спектра тогдашних течений в русской гуманитарной мысли¹⁶, описанная типологическая ниша имела тем не менее высокий удельный вес. Если вернуться к Гумбольдту, то его идеи оказались вовлечеными здесь в водоворот различных традиций (платонизм, аристотелизм, феноменология, неокантианство, символизм, потебнианство, гетеанство и др.), а результат их вовлечения оказался противоположным тому, который впоследствии проявился в неогумбольдтианстве по линии Сепира-Уорфа: они были проинтерпретированы не в направлении спецификации языков, а в направлении к универсальным стратегиям речепорождения. Это и не гумбольдтианство, и не антигумбольдтианство. По замыслу данный подход можно определить как *постгумбольдтианство* (и одновременно как *посткантианство* и *постплатонизм*), содержательно же — как теорию *взаимозависимости и взаимо обратимости в процессе речепорождения релятивных и универсальных сторон языка*.

¹⁶ Вот некоторые линии типологического разлома с ОПОЯЗом и формализмом: в последних обосновывалась ложность привлечения ВФ для изучения языка, акцентировалась, напротив, его *внешние* (объективированные) формы, не делалась ставка ни на универсальный аспект, ни на адекватацию и т.д. (однако и эти теории не были чужды «операциональному» подходу к языку).

Библиография

- ГИДИНИ, Мария, 2008: Философ-культуртрегер: энтелехия Густава Шпета // НЛО, 2008, № 91.
- ГУССЕРЛЬ, Эдмунд, 2001: «Логические исследования» // Эдмунд Гуссерль. Собрание сочинений. Том 111(1). М., 2001.
- TATEVOSOV, Сергей, 2011: «Генеративная грамматика и теория языка» // доклад в ИФ РАН 29.11.2011 (тезисы — http://iph.ras.ru/seminar_language_next.htm)
- ФЛОRENСКИЙ, Павел, 1999: «У водоразделов мысли» //Флоренский. Сочинения. Том 3(1). М., 1999.
- ШПЕТ, Густав, 1914: «Явление и смысл» // Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М. 2005
- ШПЕТ, Густав, 1918а: «Герменевтика и ее проблемы» // Констекст. 1989. М., 1989
- ШПЕТ, Густав, 1922-1923 «Эстетические фрагменты» // Шпет Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007
- ШПЕТ, Густав, 1924-1926: «Язык и смысл» // Шпет Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М. 2005
- ШПЕТ, Густав, 1927а: «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта» // Шпет Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007
- ШПЕТ, Густав, 1927б: «Введение в этническую психологию» // Шпет Г.Г. Философско-психологические труды. М., 2005
- ШПЕТ, Густав, 1918б: «Письмо Гуссерлю от 10.VI.1918» // Густав Густавович Шпет — Эдмунду Гуссерлю. Ответные письма. Логос, 1996, № 7.
- ЭНГЕЛЬГАРДТ, Борис, 1924: «А.Н. Веселовский», Петроград, 1924.
- HAARDT, Alexander, 1993: “Husserl in Russland. Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Spet und Aleksej Losev” // München: W.Fink, 1993